

Военная фантастика

коллекция

Цикл Ивана Оченкова
СТРЕЛОК

Путь на Балканы
Путь в террор
Путь в Туркестан

Митральезы для Белого генерала
Несостоявшийся граф

Иван ОЧЕНКОВ
СТРЕЛОК

Митральезы для Белого генерала
Несостоявшийся граф

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
О-95

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 92

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Оченков, Иван Валерьевич

О-95 Стрелок: Митральезы для Белого генерала. Несостоявшийся граф: сборник / Иван Оченков. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2026. — 768 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-189301-9

Вся Средняя Азия покорилась русскому оружию, и только воинственное племя текинцев, укрывшееся от гнева русского царя в самом сердце пустыни, беспокоит набегами своих соседей. Но готовится новая экспедиция под командой ставшего уже легендарным Белого генерала — Михаила Дмитриевича Скобелева, для которого нет неразрешимых задач! И именно в его отряд попал наш современник Дмитрий Будищев, успевший стать известным изобретателем. Пулеметы его конструкции станут весомым аргументом в затянувшемся споре с привыкшими разбойничать аборигенами.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-189301-9

© Иван Оченков, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

**Митральезы
для Белого генерала**

Что представляет себе простой обыватель, услышав слово «пустыня»? Ровную как стол местность, сплошь засыпанную песком и лишенную признаков какой-либо растительности. Караван величественных верблюдов, гордо шагающих от одного оазиса до другого. И жару. В последнем они, впрочем, совершенно не ошибаются. Жара стоит до того страшная, что когда столбик ртутного термометра у доктора Студитского опускается ниже сорока градусов по Цельсию, кажется, что уже почти прохладно. Сам Владимир Андреевич Студитский был еще молод, здоров и переносил тяготы походной жизни с поистине стоической выдержкой. В Ахал-Текинскую экспедицию он отправился добровольно и совершенно об этом не жалел. Кроме разве что одного. Ему до сих пор не удалось побывать в деле, иначе говоря, в бою.

Несмотря на принадлежность к одной из самых миролюбивых и гуманных профессий, он просто рвался поучаствовать в какой-либо заварухе. К слову, это далеко не первая его война. Окончив в 1875 году медицинский факультет Петербургского университета, он отправился в Черногорию, затем Сербию, принимал участие в последней русско-турецкой кампании, спас на операционном столе множество жизней, собрал богатейший материал о способах лечения огнестрельных ран и ожогов. И, несмотря на столь большой для человека его лет опыт,

и не подумал успокаиваться на достигнутом, и при первой же возможности ввязался в новую авантюру, присоединившись к экспедиции в Геок-Тепе.

С Михаилом Дмитриевичем Скобелевым его связывала давняя дружба, но несмотря, а возможно и благодаря этому, он пока не получил никакого назначения, оставаясь при штабе генерала кем-то вроде врача для особых поручений. Во всяком случае, так его иной раз называли отрядные острословы.

— В-ваше благородие, — появился перед доктором запыхавшийся солдат-посыльный и остановился, с трудом переводя дух.

— Что тебе, братец? — с приветливой улыбкой отозвался врач.

— Так что, их превосходительство просят вас поскорее прийти, — прохрипел тот, вытирая пот с разгоряченного лба.

— Сейчас буду, — кивнул Студитский и зашел в палатку, чтобы привести себя хотя бы в относительный порядок и надеть сюртук.

Одеваясь, он по привычке окинул взглядом свое походное жилище и на мгновение нахмурился. Крышка сундука оказалась неплотно закрыта, что для немногого педантичного доктора было совершенно не типично. Откинув ее в сторону, молодой человек покачал головой и, набрав в легкие побольше воздуха, закричал:

— Трифон!

— Я здесь, вашбродь! — материализовался перед ним денщик — нескладный солдат из нестроевых.

— Ты что же это, опять брал мои вещи?

— Как можно-с! — оскорбился тот.

— Как обычно-с! — передразнил его врач. — Говори, каналья, где теперь мои аптекарские весы?

— Не могу знать.

— А вот я могу!

— Конечно, можете, они ить ваши!

— Мерзавец, ты опять отдал их этому несносному моряку? Ты хоть понимаешь, что они предназначены для взвешивания лекарственных препаратов? Что от их верности, быть может, зависит чья-нибудь жизнь?

— Понима... то есть никак нет, вашбродие, — помотал головой Трифон. — Как есть не брал!

— Ты что, пьян?

— Нет.

— Дыхни!

Денщик с видом христианского мученика перед Нероном поднял вверх глаза и изобразил легкий выдох, в котором явственно присутствовали пары сивушных масел.

— Напраслину возводите, вашбродь! — горестно заявила жертва произвола. — Уж сколько недель не то чтобы не пил, а и не видел...

— Нет, это невыносимо, — возмутился столь вопиющей наглости доктор. — Вот сейчас пойду к Скобелеву и потребую, чтобы тебя перевели в роту к стрелкам. Там тебе быстро объяснят, что брать чужое нехорошо!

— Да что вы, барин, — испугался денщик, совершенно не ожидавший от обычно доброго, мягкого и деликатного врача подобной решительности. — Нешто у их превосходительства иных дел нет, как только мной, горемычным, заниматься. Да вы посмотрите лучше, ить все ваши вещички в целости и сохранности! А ежели крышка не так закрыта, так это я, пыль когда протирал, ненароком задел. Ить ваше благородие не раз говорило, что чистота должна быть, вот я и расстарался, значит...

— Значит, пыль протирал? — демонстративно провел пальцем по крышке сундука Студитский.

— Так ить пустыня, песок кругом, — развел руками поборник чистоты. — Рази убережешься?

— Прочь с глаз моих! — не выдержал врач. — Вернусь, поговорим.

— Как прикажете, а я вам к тому времени ужин спроворю! — с угодливой улыбкой провожал врача денщик,

а как только тот удалился на достаточное расстояние, добавил сварливо: — Нашли из-за чего шум поднимать, вон у саперов давеча десять фунтов динамиту пропало, и то ничего... а тут шуму-то, шуму... Тьфу!

Генерал-адъютант Скобелев со своим штабом располагался в большой кибитке, разбитой в центре лагеря. От жилищ большинства штаб- и обер-офицеров она отличалась лишь размерами и караулом из осетинского горского дивизиона. Командовавший караулом урядник Абадзиев хорошо знал Студитского и потому пропустил без проволочек.

— У меня к тебе дело, — без обиняков начал генерал, заметив давнего приятеля.

— Рад быть полезен вашему превосходительству...

— Оставь эти церемонии, не до них теперь.

— Слушаюсь.

— Ты слышал о недавнем нападении на курьеров?

— Третьего дня у Бендессенского перевала?

— Именно.

— Да. Кажется, там погиб казак, а сопровождавшие его джигиты сумели ускакать.

— Все так, но есть некоторые сомнения в правдивости показаний этих самых джигитов.

— Чем я могу помочь?

— Нужно провести вскрытие и извлечь пулю из покойного казака. Полагаю, ты сможешь определить, с какого расстояния и из какого оружия она выпущена?

— Думаю, да.

— Отлично. Из Бами в Ходжам-Калу завтра выступает рота Самурского полка. Поедешь с ними.

— С пехотой! — наморщил нос Студитский. — Эдак мы неделю добираться будем.

— Зато целы останетесь, — парировал генерал.

— Нельзя ли с казаками?

— Да ты ведь непременно встрянешь в какую-нибудь авантюру.

— Помилуй, Михаил Дмитриевич! Какая же там может стать авантюра? Если на казака напали текинцы, их уже и след простыл, а если подозрения в адрес джигитов не беспочвенны, так их там и вовсе не было! Ей-богу, дай мне несколько казаков, и тогда я за день обернусь туда и назад с результатами вскрытия.

— Ты уверен?

— Ручаюсь тебе.

— Ну, хорошо, я прикажу послать с тобой конных охотников.

Охотниками оказались десять казаков Таманского полка во главе с урядником бароном фон Левенштерном. Последний был личностью весьма примечательной, чтобы не сказать анекдотической. Богатый помещик родом из Курляндии, он получил прекрасное образование в Геттингенском университете. Единственным его изъяном являлось плохое знание русской словесности вообще и речи в частности. К несчастью, экзамен на офицерский чин в Российской императорской армии следовало сдавать именно по-русски, а потому барон до сих пор числился в нижних чинах. Между тем он успел поучаствовать в войне на Балканах, сумел отличиться в боях, но заветных эполет так и не добился. Употребил он половину приложенных им усилий на изучение языка Пушкина и Лермонтова, он давно бы стал офицером, но барон, помимо всего прочего, «славился» своим совершенно ослиным упрямством.

Единственными людьми, достойными уважения, в его понимании считались немцы, причем не все подряд, а имевшие перед своей фамилией приставку фон, а еще лучше титул барона или графа. В общем, изучать речь восточных варваров он полагал ниже своего достоинства и продолжал тянуть лямку. При всем при этом германском снобизме Левенштерн являлся в сущности славным малым и хорошим товарищем. Во всяком случае, многие

из близко знавших его офицеров отзывались о нем именно так.

Еще одним участником экспедиции неожиданно оказался моряк по фамилии Будищев, носивший непривычное для пехоты звание кондуктор. Каким образом его занесло в самое сердце пустыни, никто достоверно не знал. Ходили лишь слухи, что он приписан к морской батарее, но последняя вроде бы только что прибыла в Чигишляр и лишь готовилась к переходу в Бами. Как и барон, он в качестве нижнего чина участвовал в русско-турецкой войне, о чем свидетельствовали медаль и полный георгиевский бант на его груди. И, по всей видимости, так же как фон Левенштерн, участвовал в походе в надежде стать офицером.

Некоторое время они все же двигались вместе с самурцами, но вскоре доктору это наскучило, и он предложил ускорить аллюр, оставив пехоту позади.

— Карошо, — безбожно коверкая русские слова, прокаркал барон. — Так будет быстрее!

— Фиговая идея, — мрачно отозвался моряк, но уточнять ничего не стал.

— Если боитесь, можете оставаться, — отрывисто бросил Студитский, но кондуктор и не подумал обижаться.

Достав из футляра непривычного вида винтовку, Будищев зарядил ее, затем перебросил ремень через плечо и прищепил коня. Держался в седле он, надо сказать, весьма неважно, особенно на фоне казаков или барона, но это его ни капельки не смущало.

Следом за маленьким отрядом охотников прибавили ходу еще два человека, считавшиеся вольнонаемными. Латыш Ян Зандерс — слуга фон Левенштерна, бывший постоянным спутником своего хозяина в его странствованиях и военных авантюрах, и отставной солдат Федор Шматов, служивший в том же качестве у Будищева. Однако если у богатого немецкого барона наличие прислуги считалось делом само собой разумеющимся, то как себе

это мог позволить простой кондуктор, было решительно непонятно. К тому же Шматов частенько называл своего хозяина графом, что добавляло их странной парочке легкий флёр таинственности.

Впрочем, на графа Монте-Кристо из сочинений господина Дюма моряк походил весьма мало. Богатством не кичился, деньгами не сорил, от дружеских попоек уклонялся и вообще вел себя в высшей степени скромно. Вином и разносолами, подобно многим офицерам, не увлекался. Даже ели они со слугой часто из одного котла с нижними чинами, для чего хозяин вносил артельщику известную сумму.

Фон Левенштерн же, напротив, старался обставить походный быт с максимальным комфортом. Чтобы хороший табак, еда и напитки не переводились у господина, его латышский Санчо Панса вел в поводу двух тяжело нагруженных различными припасами выючных лошадей. Хотя надо сказать, что всем этим барон щедро делился с товарищами.

Бендессены — это и перевал, и обширная долина, располагающаяся у входа в него, а также высокий утес, у подножия которого почти перпендикулярно сходятся дороги в Бами и в Ходжа-Калу. С высоты этого утеса легко можно контролировать и долину, и проходящие по ней пути, а потому здесь давно следовало устроить пост, но у командования до сих пор, что называется, не дошли руки.

Между утесом и перевалом расположены несколько невысоких холмов, подножия которых усеяны крупными валунами, а со стороны долины его огибал полноводный ручей, бравший начало в горах Копетдага, по берегам которого в изобилии росли трава и камыш, иногда превышающие человеческий рост. Посреди блеклой пустыни этот уголок живой природы и буйства красок казался бы райским, если бы не огромное количество сероводорода в воде, отчего весь оазис буквально пропитался запахом тухлых яиц.

— Ну и вонь! — поморщился Будищев, спешиваясь.

— Я-я, натюрлих, — поддержал его курляндец, любивший при случае пожаловаться на походные тяготы. — Ужасный запах... и жара... и страна!

— Люди, бывавшие здесь прежде, — жизнерадостно возразил Студитский, — говорили мне, что после недолгого пребывания к этому воздуху привыкаешь, и он уже не кажется таким зловонным!

— Надеюсь, вы не собираетесь здесь надолго задерживаться?

— Разумеется, нет, барон. Мы покинем это благословенное место, как только удастся провести вскрытие.

— Тогда не будем терять времени, — решительно заявил Дмитрий. — Для обороны эти места еще хуже, чем для отдыха. Хотя если поставить часовых на вон той возвышенности...

— Косподин кондуктор! — поспешил прервать его немец, ревниво относящийся к вопросам командования. — Вы есть — моряк и не знаете сухопутной службы, а потому...

— Да где уж мне, сиволапому, — ухмыльнулся в усы Будищев и помахал уряднику, дескать, делай, как знаешь.

Как только их маленький отряд добрался до места, доктор с двумя казаками отправился к могиле убитого курьера, а остальные отпустили лошадей в поводу, чтобы те могли немного поpastись. Вооружившись лопатами, таманцы споро взялись за дело и скоро выкопали из земли своего павшего товарища. Лес в этих местах настолько редок, что никому и в голову не приходит хоронить покойников в гробах. Поэтому при погребении бедняги ограничились тем, что завернули его тело в большой мешок из грубой материи. Разрезав холстину, доктор тут же приступил к осмотру тела, а остальные, зажав носы, спешно отошли в сторону.

— Чего же не обрядили покойника? — мрачно спросил наблюдавший за этими манипуляциями Шматов.

— Во что? — пожал плечами Будищев. — Текинцы сам, небось, знаешь, раздевают убитых донага. А у солдат лишних вещей нет.

— Худо, наверное, эдак в земле лежать, — поежился Федор. — Еще раздавит...

— Вообще без разницы, — усмехнулся кондуктор. — Помнишь, сколько наших в Болгарии полегло? Там в гробах разве что господ офицеров хоронили, да и то не всех.

— Это верно.

Студитский тем временем закончил осмотр и, воспользовавшись ланцетом и длинными щипцами, извлек из тела покойного пулю. Очевидно, придя к какому-то определенному выводу, он спрятал ее в платок и сделал казакам знак, дескать, можно закапывать.

— Что скажете, Владимир Андреевич? — поинтересовался моряк у подошедшего к ним врача.

— Выстрел произведен в спину из гладкоствольного пистолета в упор, — сухо ответил тот, вытирая платком руки.

— Значит, свои, — резюмировал Будищев, недобро усмехнувшись.

— А как узнали, что в упор? — почти благоговейно спросил Шматов.

— Когда близко — ожог остается, — пояснил Дмитрий.

— Верно, — кивнул доктор. — Приходилось видеть подобное?

— Всякое бывало.

В этот момент их беседу прервал шум копыт, а следом из-за ближайшего холма показались двое текинцев. Поначалу, завидев друг друга, и русские и туркмены застыли в нерешительности, уж больно неожиданной получилась встреча.

Первым из ступора, как ни странно, вышел Студитский. Отбросив в сторону вконец испачканный платок, он со всех ног бросился к мирно пасущемуся коню и, мгновенно оказавшись в седле, ударил его каблуками